

Особые поручения: Декоратор

Автор:

[Борис Акунин](#)

Особые поручения: Декоратор

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина #6

В Москве происходят неслыханные события – полиция обнаруживает одну за другой женщин с перерезанным горлом. У всех жертв отсутствуют признаки полового насилия, зато извлечены внутренние органы и аккуратно разложены на месте преступления, образуя некую «декорацию», как ее называет сам преступник. На лице или шее каждой убитой красуется кровавый отпечаток поцелуя – почерк лондонского Джека-Потрошителя. Неужели серийный убийца перебрался в Москву? Найти ответ на этот вопрос предстоит, конечно же, чиновнику по особым поручениям Эрасту Петровичу Фандорину.

Борис Акунин

Декоратор

Скверное начало

4 апреля, великий вторник, утро

Эраста Петровича Фандорина, чиновника особых поручений при московском генерал-губернаторе, особу 6 класса, кавалера российских и иностранных орденов, выворачивало наизнанку.

Тонкое, бледное до голубизны лицо коллежского советника страдальчески кривилось, одна рука, в белой лайковой с серебряными кнопками перчатке была прижата к груди, другая судорожно рассекала воздух – этой неубедительной жестикуляцией Эраст Петрович хотел успокоить своего помощника: ничего, мол, ерунда, сейчас пройдет. Однако судя по продолжительности и мучительности спазмов это была очень даже не ерунда.

Помощнику Фандорина, губернскому секретарю Анисию Питиримовичу Тюльпанову, тощему, невзрачному молодому человеку 23 лет, никогда еще не доводилось видеть шефа в столь жалком состоянии. Тюльпанов и сам, впрочем, был несколько зелен лицом, но перед рвотным соблазном устоял и теперь втайне этим гордился. Впрочем, недостойное чувство было мимолетным и потому внимания не заслуживающим, а вот нежданная чувствительность обожаемого шефа, всегда такого хладнокровного и к сантиментам не расположенного, встревожила Анисия не на шутку.

– П-подите... – морщась и вытирая перчаткой лиловые губы, выдавил Эраст Петрович. Всегдашнее легкое заикание, память о давней контузии, от нервного расстройства заметно усилилось. – Т-туда подите... Пусть п-протокол, п-подробный... Фотографические с-снимки во всех ракурсах. И следы чтоб не за...за...затоптали...

Его снова согнуло в три погибели, но на сей раз вытянутая рука не дрогнула – перст непреклонно указывал на кривую дверь дощатого сарайчика, откуда несколькими минутами ранее коллежский советник вышел весь бледный, на подгибающихся ногах.

Идти назад, в серый полумрак, где вязко пахло кровью и требухой, Анисию не хотелось. Но служба есть служба.

Набрал в грудь побольше сырого апрельского воздуха (эх, самого бы не замутило), перекрестился и – как головой в омут.

В лачуге, использовавшейся для хранения дров, а ныне по случаю скорого окончания холодов почти опустевшей, собралось изрядное количество народу: следователь, агенты из сыскной, частный пристав, квартальный надзиратель, судебный врач, фотограф, городовые и еще дворник Климук, обнаруживший место чудовищного злодеяния – утром сунулся за дровишками, узрел, поорал сколько положено, да и побежал за полицией.

Горело два масляных фонаря, по низкому потолку колыхались неспешные тени. Было тихо, только в углу тонко всхлипывал и шмыгал носом молоденький городской.

– Ну-с, а это у нас что? – с любопытством промурлыкал судебно-медицинский эксперт Егор Виллемович Захаров, поднимая с пола рукой в каучуковой перчатке нечто ноздреватое, иссиня-багровое. – Никак селезеночка. Вот и она, родимая. Отлично-с. В пакетик ее, в пакетик. Еще утроба, левая почка, и будет полный комплект, не считая всякой мелочи... Что это у вас, мсье Тюльпанов, под сапогом? Не брыжейка?

Анисий глянул вниз, в ужасе шарахнулся в сторону и чуть не споткнулся о распростертое тело девицы Андреичкиной, Степаниды Ивановны, 39 лет. Эти сведения, равно как и дефиниция ремесла покойной, были почерпнуты из желтого билета, аккуратно лежавшего на вспоротой груди. Более ничего аккуратного в посмертном обличье девицы Андреичкиной не наблюдалось.

Лицо у ней, надо полагать, и при жизни собой не видное, в смерти стало кошмарным: синюшное, в пятнах слипшейся пудры, глаза вылезли из орбит, рот застыл в беззвучном вопле. Ниже смотреть было еще страшней. Кто-то располосовал бедное тело гулящей вдоль и поперек, вынул из него всю начинку и разложил на земле причудливым узором. Правда, Егор Виллемович успел уже почти всю эту выставку собрать и по нумерованным пакетам разложить. Осталось только черное пятно привольно растекшейся крови да мелкие лоскуты не то искромсанного, не то изорванного платья.

Леонтий Андреевич Ижицын, следователь по важнейшим делам при окружном прокуроре, присел на корточки подле врача, деловито спросил:

– Следы соития?

– Это я вам, голуба, после обрисую. Отчетец составлю и все как есть отобразу. Тут, сами видите, тьма египетская и стон кромешный.

Как всякий инородец, в совершенстве овладевший русским языком, Егор Виллемович любил вставлять в свою речь разные заковыристые обороты. Несмотря на вполне обычную фамилию, был эксперт британских кровей. В царствие покойного государя приехал докторов батюшка, тоже лекарь, в Россию, прижился, а трудную для русского уха фамилию Зэкарайэс приспособил к местным условиям – Егор Виллемович по дороге, как в пролетке ехали, сам рассказывал. По нему и видно, что не свой брат русак: долговязый, мосластый, волоса песочные, рот широкий, безгубый, подвижный, беспрестанно перегоняющий из угла в угол дрянную пеньковую трубку.

Следователь Ижицын с показным интересом, явно бравируя, посмотрел, как эксперт вертит в цепких пальцах очередной комок истерзанной плоти и саркастически поинтересовался:

– Что, господин Тюльпанов, ваш начальник все воздухом дышит? А я говорил, преотлично обошлись бы и без губернаторского надзора. Не для утонченных глаз картинка, а мы люди ко всему привычные.

Понятное дело – недоволен Леонтий Андреевич, ревнует. Шутка ли – самого Фандорина за расследованием глядеть приставили. Какому ж следователю такое понравится.

– Да что ты, Линьков, как девка! – рыкнул Ижицын на всхлипывающего полицейского. – Привыкай. Ты не для «особых поручений», стало быть, всякого еще насмотришься.

– Не приведи Господь к такому привыкнуть, – вполголоса пробурчал старший городской Приблудько, служака старый и опытный, Анисию известный по одному третьегоднешнему делу.

Так ведь и с Леонтием Андреевичем не в первый раз вместе работать приходилось. Неприятный господин – дерганный весь, беспрестанно посмеивается, а глаза колючие. Одет с иголки, воротнички будто из алебаstra, манжеты и того белее, сам всё по плечам щелкает, соринки сбивает. Честолюбец, большую карьеру делает. Только вот на минувшее Крещение у него

с расследованием по духовной купца Ситникова заминка вышла. Дело было шумное, отчасти даже затрагивающее интересы влиятельных особ и потому проволочки не терпящее, ну его сиятельство князь Долгорукой и попросил Эраста Петровича помочь прокуратуре. А из шефа известно какой помощник – взял да все дело в один день распутал. Не зря Ижицын бесится. Предчувствует, что сызнова ему без лавров оставаться.

– Вроде всё, – объявил следователь. – Стало быть, так. Труп в полицейский морг, на Божедомку. Сарай опечатать и городского поставить. Агентам опросить всех окрестных жителей, да построже. Не слышали ли, не видали ли чего подозрительного. Ты, Климук, в последний раз за дровами в одиннадцатом часу заходил, так? – спросил Леонтий Андреевич дворника. – А смерть наступила не позднее двух ночи? (Это уже эксперту Захарову). Стало быть, интересоваться промежутком с начала одиннадцатого часа до двух пополуночи. – И снова Климуку. – Ты, может, с кем говорил уже из тутошних? Не рассказывали чего?

Дворник (пегая борода веником, кустистые брови, шишковатый череп, рост два аршина четыре вершка, особая примета – бородавка посередь лба, упражнялся в составлении словесного портрета Анисий) стоял, комкал и без того до невозможности мятый картуз.

– Никак нет, ваше высокоблагородие. Нешто мы не понимаем. Дверь сарая подпер и побег к господину Приблудько. А из околотка меня уж не пущали, пока начальники не придут. Обыватели, они и знать ничего не знают. То есть, конечно, видеть-то видют, что полиции понаехало... Что господа полицейские прибыть изволили. А про страсть эту (дворник боязливо покосился в сторону трупа) жителям неведомо.

– Вот это мы и проверим, – усмехнулся Ижицын. – Стало быть, агенты – за работу. А вы, господин Захаров, увозите свои сокровища. И чтоб к полудню полное заключение, по всей форме.

– Господ агентов п-прошу оставаться на месте, – раздался сзади негромкий голос Эраста Петровича. Все обернулись.

Как вошел коллежский советник, когда? И дверь-то не скрипнула. Даже в полумраке было видно, что шеф бледен и расстроен, однако голос ровный и манера говорить всегдашняя – сдержанная, учтивая, но такая, что возражать не

захочешь.

– Господин Ижицын, даже дворник понял, что б-болтать о происшествии не следует, – сухо сказал Эраст Петрович следователю. – Я, собственно, для того и прислан, чтобы обеспечить строжайшую секретность. Никаких опросов. Более того, всех присутствующих прошу и даже обязываю хранить об обстоятельствах дела полное молчание. Жителям объяснить, что... п-повесилась гулящая, наложила на себя руки, обычное дело. Если по Москве поползут слухи о произошедшем, каждый из вас попадет под служебное расследование, и тот, кто окажется виновен в разглашении, понесет суровое наказание. Извините, господа, но т-таковы полученные мною инструкции, и на то есть свои причины.

Городовые по знаку доктора взяли было стоявшие у стен-ы носилки, чтобы положить на них труп, но коллежский советник поднял руку:

– П-погодите.

Он присел над убитой.

– Что это у нее на щеке?

Ижицын, уязвленный репримандом, пожал узкими плечами:

– Пятно крови. Тут, как вы могли заметить, крови в изобилии.

– Но не на лице.

Эраст Петрович осторожно потер овальное пятно пальцем – на белой перчаточной лайке остался след. С чрезвычайным, как показалось Анисию, волнением коллежский советник (а для Тюльпанова просто «шеф») пробормотал:

– Ни пореза, ни укуса.

Следователь наблюдал за манипуляциями чиновника с недоумением, эксперт Захаров с интересом.

Достав из кармана лупу, Фандорин прильнул к самому лицу жертвы, всмотрелся и ахнул:

– След губ! Господи, это след поцелуя! Не может быть никаких сомнений!

– Что же так убиваться-то? – съязвил Леонтий Андреевич. – Тут есть метки и пострашнее. – Он качнул носком штиблета в сторону раскрытой грудной клетки и зияющей ямы живота. – Мало ли что взбредет в голову полоумному.

– Ах как скверно, – пробормотал коллежский советник, ни к кому не обращаясь.

Быстрым движением сорвал запачканную перчатку, отшвырнул в сторону. Выпрямился, прикрыл глаза – и совсем тихо:

– Боже, неужели это начнется в Москве...

* * *

What a piece of work is man! how noble in reason! how infinite in faculty! in form and moving how express and admirable! in action how like an angel! in apprehension how like a god! the beauty of the world! the paragon of animals! And yet, to me, what is this quintessence of dust! [1 - Что за создание человек! Сколь благороден рассудком! Сколь безграничен в дарованьях! Сколь выразителен и дивен в форме и движеньях! В деяньях сколь подобен ангелу, а в разуменьи Всевышнему! Краса творенья! Всего живущего высочайший образец! И все же что за дело мне до этой квинтэссенции праха? (англ.)] Пускай. Пускай Принцу Датскому, существу праздному и блазироваанному, до человека дела нет, а мне есть! Бард прав наполовину: в людских деяниях мало ангельского, и кощунство – уподоблять разумение человека Божьему, но прекрасней человека нет ничего на свете. Да что такое дела и разумение – обман, химера, суета, воистину квинтэссенция праха. Человек – это не дело, а Тело. Даже ласкающие взор растения, самые пышные и затейливые из цветов, не идут ни в какое сравнение с великолепным устройством человеческого тела. Цветы примитивны и просты, одинаковы внутри и снаружи: что так поверни лепесток, что этак. Смотреть на цветы скучно. Где их алчным стебелькам, убого-геометричным соцветьям и жалким тычинкам до пурпура упругих мышц, эластика шелковистой кожи, серебристого перламутра желудка, грациозных извивов кишечника и

таинственной асимметричности печени!

Разве сравнится монотонность окраски цветущего мака с многообразием оттенков человеческой крови – от пронзительно-алого артериального тока до царственного венозного порфира? Куда там вульгарной синеве колокольчика до нежно-голубого рисунка капилляров или осенней раскраске клена до багрянца месячных истечений! Женское тело изысканней и во сто крат интереснее-мужского. Функция женского тела – не грубый труд и разрушение, а созидание и пестование. Упругая матка похожа на драгоценную раковину-жемчужницу. Идея! Надо будет как-нибудь вскрыть оплодотворенную утробу, чтобы внутри жемчужницы обнаружить созревающую жемчужину – да-да, непременно! Завтра же!

Слишком долго пришлось мне поститься, с самой масленицы. Мои губы иссохли, повторяя: «Оживи окаянное сердце мое постом страстоубийственным!» Господь добр и милостив, Он не рассердится на меня за то, что не хватило сил дотерпеть шести дней до Светлого Воскресения. В конце концов 3 апреля – не просто день, это годовщина Озарения. Тогда тоже было 3 апреля. Что по другому стилю – неважно. Главное звук, музыка слов: тре-тье ап-ре-ля.

У меня свой пост, своя и Пасха. Уж разговление, так разговление. Нет, не стану ждать до завтра. Сегодня! Да-да, устроить пир. Не насытиться, а пресытиться. Не ради себя – во славу Божию.

Ведь это Он разверз мне глаза – научил видеть и понимать истинную красоту. Больше того, раскрывать ее и являть миру. А раскрыть это все равно что сотворить. Я – подмастерье Творца.

Как сладостно разговеться после долгого воздержания. Я вспоминаю каждый сладостный миг, я знаю, что память сохранит всё вплоть до мельчайших деталей, не растеряв ни одного из зрительных, вкусовых, осязательных, слуховых и обонятельных ощущений.

Я закрываю глаза и вижу.

Поздний вечер. Мне не спится. Волнение и восторг ведут меня по грязным улицам, по пустырям, меж кривых домишек и покосившихся заборов. Я не сплю

уже много ночей подряд. Давит грудь, сжимает виски. Днем я забываюсь на полчаса, на час и просыпаюсь от страшных видений, которых наяву не помню.

Я иду и мечтаю о смерти, о встрече с Ним, но знаю: умирать мне нельзя, еще рано, моя миссия не исполнена.

Голос из темноты: «Па-азвольте на полштофчика». Дребезжащий, пропитой. Оборачиваюсь и вижу гнуснейшее и безобразнейшее из человеческих существ: опустившуюся шлюху – пьяную, оборванную, но при этом гротескно размалеванную белилами и помадой.

Я брезгливо отворачиваюсь, но внезапно знакомая острая жалость пронзает мое сердце. Бедное создание, что ты с собой сделала! И это женщина, шедевр Божьего искусства! Так надругаться над собой, осквернить и опошлить дар Божий, так унижить свою драгоценную репродуктивную систему!

Ты, конечно, не виновата. Бездушное, жестокое общество вываляло тебя в грязи. Но я тебя отчищу и спасу. На душе светло и радостно.

Кто знал, что так выйдет. У меня не было намерения нарушать пост – иначе путь мой лежал бы не через эти жалкие трущобы, а через зловонные закоулки Хитровки или Грачевки, где гнездятся мерзость и порок. Но великодушие и щедрость переполняют меня, совсем немного подцвеченные нетерпеливой жаждой.

«Я тебя сейчас обрадую, милая, – говорю я. – Идем со мной».

Я в мужском платье, и ведьма думает, что нашелся покупатель на ее гнилой товар. Она хрипло смеется, пожимает плечами: «Куды идем-то? Слышь, у тебя деньга-то есть? Покорми хоть, а лучше поднеси». Бедная, заблудшая овечка.

Я веду ее за собой через темный двор, к сараям. Нетерпеливо дергаю одну дверь, другую, третья незаперта.

Счастливица дышит мне в затылок самогонным перегаром, подхихикивает: «Ишь ты, в сарай ведет. Ишь ты, приспичило-то».

Взмах скальпеля, и я отворяю ее душе двери свободы.

Освобождение не дается без мук, это как роды. Той, кого я сейчас люблю всем сердцем, очень больно, она хрипит и грызет кляп, а я глажу ее по голове и утешаю: «Потерпи». Руки споро и чисто делают свое дело. Свет мне не нужен, мои глаза видят ночью не хуже, чем днем.

Я раскрываю оскверненную, грязную оболочку тела, душа возлюбленной сестры моей взмывает вверх, я же замираю в благоговении перед совершенством божественного механизма.

Когда я с ласковой улыбкой подношу к лицу горячий колобок сердца, оно еще трепещет, еще бьется пойманной золотой рыбкой, и я нежно целую чудесную рыбку в распахнутые губки аорты.

Место выбрано удачно, никто не мешает мне, и на сей раз гимн Красоте пропет до конца, завершенный лобзанием щеки. Спи, сестра, твоя жизнь была гадка и ужасна, твой облик оскорблял взоры, но благодаря мне ты стала прекрасной.

Взять тот же цветок. Истинная его красота видна не на лужайке и не на клумбе, о нет! Роза царственна в корсаже, гвоздика в петлице, фиалка в волосах прелестницы. Триумф цветка наступает, когда он уже срезан, настоящая его жизнь неотрывна от смерти. То же и с человеческим телом. Пока оно живет, ему не дано явить себя во всем великолепии своего восхитительного устройства. Я помогаю телу царствовать. Я садовник.

Хотя нет, садовник лишь срезает цветы, а я еще и создаю из телесных органов пьянящей красоты панно, величественную декорацию. В Англии входит в моду небывалая прежде профессия – decorator, специалист по украшению дома, витрины, праздничной улицы.

Я не садовник, я decorator.

Чем дальше, тем хуже

4 апреля, великий вторник, полдень

На чрезвычайном совещании у московского генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукого присутствовали:

обер-полицеймейстер генерал-майор свиты его императорского величества Юровский;

прокурор московской судебной палаты действительный статский советник камергер Козлятников;

начальник сыскной полиции статский советник Эйхман;

чиновник особых поручений при генерал-губернаторе коллежский советник Фандорин;

следователь по важнейшим делам при прокуроре московской судебной палаты надворный советник Ижицын.

– Погода-то, погода какова, мерзавка, – такими словами открыл Владимир Андреевич секретное заседание. – Ведь это свинство, господа. Пасмурно, ветер, слякоть, грязь, а хуже всего, что Москва-река больше обычного разлилась. Я ездил в Замоскворечье – кошмар и ужас. На три с половиной сажени вода поднялась! Залило все аж до Пятницкой. Да и на левом берегу непорядок. По Неглинному не проехать. Ох, осраимся, господа. Опозорится Долгорукой на старости лет!

Все присутствующие озабоченно завздохали, у одного лишь следователя по важнейшим делам на лице отразилось некоторое изумление, и князь, отличавшийся редкостной наблюдательностью, счел возможным пояснить:

– Я вижу, вы, молодой человек... э-э... кажется, Глаголев? Нет, Букин.

– Ижицын, ваше высокопревосходительство, – подсказал прокурор, но недостаточно громко – на семьдесят девятом году жизни стал московский вице-король (называли всеильного Владимира Андреевича и так) туговат на ухо.

– Извините старика, – добродушно развел руками губернатор. – Так вот, господин Пыжицын, я вижу, вы в неведении... Вероятно, вам и по должности не положено. Но уж раз совещание... Так вот, – длинное, с вислыми каштановыми усами лицо князя обрело торжественность, – на светлую Пасху Христову первопрестольную осчастливит приездом его императорское величество. Прибудут без помпы, без церемоний – поклониться московским святыням. Велено москвичей заранее не извещать, ибо визит замыслен словно бы *impromptu*. [2 - импровизированный (фр.).] Что, однако же, не снимает с нас ответственности за уровень встречи и общее состояние города. Вот, к примеру, господа, получаю нынче утром послание от высокопреосвященного Иоанникия, митрополита московского. Жалуется владыка, пишет, что в кондитерских магазинах перед Святой Пасхой наблюдается форменное безобразие: витрины и прилавки сплошь уставлены конфетными коробками и бонбоньерками с изображением Тайной Вечери, Крестного Пути, Голгофы и прочего подобного. Это же кощунство, господа! Извольте-ка, милостивый государь, – обратился князь к обер-полицеймейстеру, – сегодня же издать приказ по полиции, чтобы подобные непотребства строжайше пресекались. Коробки уничтожать, содержимое передавать в Воспитательный дом. Пусть сиротки на праздник полакомятся. А лавочников еще и штрафовать, чтоб не подводили меня под монастырь перед высочайшим прибытием!

Генерал-губернатор взволнованно поправил чуть съехавший набок кудреватый паричок, хотел еще что-то сказать, да закашлялся.

Неприметная дверца, ведшая во внутренние покои, немедленно отворилась, и оттуда, неслышно переступая полусогнутыми ногами в войлочных ботах, выкатился худущий старик с ослепительно сияющим лысым черепом и преогромными бакенбардами – личный камердинер его сиятельства Фрол Григорьевич Ведищев. Это внезапное явление никого не удивило. Все присутствующие сочли необходимым поприветствовать вошедшего поклоном или хотя бы кивком, ибо Фрол Григорьевич, невзирая на скромное свое положение, почитался в древнем городе особой влиятельной и в некотором смысле даже всемогущей.

Ведищев быстренько накапал из склянки в серебряный стаканчик какой-то микстуры, дал князю выпить и столь же стремительно исчез в обратном направлении, так ни на кого и не взглянув.

– Шпашибо, Фрол, шпашибо, голубщик, – прошамкал вслед наперснику генерал-губернатор, подвигал подбородком, чтобы челюсти встали на место, и продолжил уже безо всякого пришепетывания. – Так что пусть Эраст Петрович изволит объяснить, чем вызвана срочность настоящего совещания. Вы ведь, душа моя, отлично знаете, у меня нынче каждая минута на счету. Ну, что там у вас стряслось? Вы позаботились о том, чтобы слухи об этой пакости с расчленением не распространились среди обывателей? Этого только не хватало накануне высочайшего приезда...

Эраст Петрович встал, и взоры высших блюстителей московского правопорядка обратились на бледное, решительное лицо коллежского советника.

– Меры по сохранению т-тайны приняты, ваше сиятельство, – стал докладывать Фандорин. – Все, кто был причастен к осмотру места преступления, предупреждены об ответственности, с них взята роспись в неразглашении. Обнаруживший тело дворник как лицо склонное к неумеренному питью и за себя не ручающееся временно помещен в особую к-камеру Жандармского управления.

– Хорошо, – одобрил губернатор. – Так что ж тогда за надобность в совещании? Зачем вы просили собрать начальников следственного и полицейского ведомств? Решили бы все вдвоем с Пыжицыным.

Эраст Петрович невольно взглянул на следователя, которому удивительно шла изобретенная князем фамилия, однако в настоящую минуту коллежскому советнику было не до веселья.

– Ваше высокопревосходительство, я не п-просил вызвать господина начальника сыскной полиции. Дело настолько тревожное, что его следует отнести к разряду преступлений государственной важности, и заниматься им помимо прокуратуры должен оперативный отдел жандармерии под личным контролем господина обер-полицмейстера. Сыскную же полицию я не подключал бы вовсе, там слишком много случайных людей. Это раз.

И Фандорин сделал многозначительную паузу. Статский советник Эйхман встrepенулcя было протестовать, но князь жестом велел ему молчать.

– Выходит, зря я вас беспокоил, голубчик, – ласково сказал Долгорукой. – Вы уж идите и прижмите там своих карманников и фармазончиков, чтоб в Светлое Воскресенье разговлялись у себя на Хитровке и упаси Боже носа оттуда не казали. Очень я на вас, Петр Рейнгардович, надеюсь.

Эйхман встал, молча поклонился, улыбнулся одними губами Эрасту Петровичу и вышел.

Коллежский советник вздохнул, отлично понимая, что отныне приобрел в начальнике московского сыска вечного врага, но дело и вправду было страшное, лишнего риска не терпящее.

– Знаю я вас, – сказал губернатор, с беспокойством глядя на своего доверенного помощника. – Если сказали «раз», значит, будет и «два». Говорите же, не томите.

– Мне очень жаль, Владимир Андреевич, но визит государя придется отменить, – произнес Фандорин весьма тихо, однако на сей раз князь отлично расслышал.

– Как «отменить»? – ахнул он.

Прочие присутствующие встретили возмутительное заявление вконец зарвавшегося чиновника более бурно.

– Да вы с ума сошли! – вскричал обер-полицеймейстер Юровский.

– Это неслыханно! – проблеял прокурор.

А следователь по важнейшим делам сказать вслух ничего не осмелился, ибо был для такой вольности недостаточного звания, но зато поджал пухлогубый рот, как бы возмущаясь безумной фандоринской выходкой.

– Как отменить? – упавшим голосом повторил Долгорукой.

Дверца, ведущая во внутренние покои, приоткрылась, и из-за створки до половины высунулась физиономия камердинера.

Губернатор с чрезвычайным волнением заговорил, торопясь и оттого глотая слоги и целые слова:

– Эраспетрович, не первый год... Вы слов на ветер... Но отменить высочайший? Ведь это скандал неслыханный! Вы же знаете, сколько я добивался... Это же для меня, для всех нас...

Фандорин нахмурил высокий чистый лоб. Ему было отлично известно, как долго и изворотливо интриговал Владимир Андреевич, добиваясь высочайшего посещения. А какие козни строила враждебная петербургская «камарилья», уже двадцать лет пытающаяся согнать старого хитреца с завидного места! Пасхальный impromptu его величества был для князя триумфом, верным свидетельством несокрушимости его положения. На следующей неделе у его сиятельства большущий юбилей – шестьдесят лет службы в офицерских чинах. По такому случаю можно и на Андрея Первозванного надеяться. И вдруг взять и самому просить об отмене!

– Все понимаю, ваше сиятельство, но если не отменить, будет еще хуже. Это расчленение не последнее. – Лицо коллежского советника с каждым словом делалось все мрачней. – Боюсь, что в Москву перебрался Джек Потрошитель.

И опять, как несколькими минутами ранее, заявление Эраста Петровича заставило присутствующих заговорить хором.

– Как это не последнее? – возмутился генерал-губернатор.

Обер-полицеймейстер и прокурор почти в один голос переспросили:

– Джек Потрошитель?

А Ижицын, осмелев, фыркнул:

– Бред!

– Какой такой потрошитель? – проскрипел из-за своей дверки Фрол Григорьевич Ведищев, когда естественным манером образовалась пауза.

– Да-да, что еще за Джек такой! – Его сиятельство воззрился на подчиненных с явным неудовольствием. – Все знают, один я не посвящен. И вечно у вас так!

– Это, ваше сиятельство, известный английский душегуб, который режет в Лондоне гулящих девок, – пояснил важнейший следователь.

– Если позволите, Владимир Андреевич, я расскажу п-подробно.

Эраст Петрович достал из кармана блокнот, перелистнул несколько страничек.

Князь приложил к уху ладонь, Ведищев нацепил очки с толстыми стеклами, а Ижицын иронически улыбнулся.

– Как помнит ваше сиятельство, в минувшем году я провел несколько месяцев в Англии, в связи с известным вам д-делом о пропавшей переписке Екатерины Великой. Вы, Владимир Андреевич, еще выражали неудовольствие моей затянувшейся отлучкой. Я задержался в Лондоне сверх необходимого, ибо внимательно следил за тем, как местная полиция пытается разыскать чудовищного убийцу, который в течение восьми месяцев, с апреля по декабрь минувшего года, совершил в Ист-Энде восемь зверских убийств. Убийца держался пренагло. Писал полиции записки, в которых именовал себя Jack the Ripper, то есть «Джек Потрошитель», а один раз даже прислал комиссару, ведущему расследование, половину почки, что была вырезана у жертвы.

– Вырезана? Но зачем? – удивился князь.

– Злодеяния Потрошителя п-произвели на публику столь тягостное впечатление не из-за самого факта убийств. В таком большом и неблагополучном городе как Лондон преступлений, в том числе и с кровопролитием, разумеется, хватает. Но манера, с которой Потрошитель расправлялся со своими жертвами, была поистине монструозна. Обычно он перерезал бедным женщинам горло, а после потрошил их, как куропаток, и раскладывал вынутые внутренности наподобие кошмарного натюрморта.

– Царица небесная! – охнул Ведищев и перекрестился.

Губернатор с чувством произнес:

– Что за мерзость вы рассказываете. И что же, так негодяя и не сыскали?

– Нет, но с декабря характерные убийства прекратились. Полиция пришла к выводу, что преступник либо покончил с собой, либо... покинул пределы Англии.

– И делать ему нечего кроме как отправляться к нам в Москву, – скептически покачал головой обер-полицеймейстер. – А ежели и так, то головореза-англичанина выследить и выловить – пара пустяков.

– С чего вы взяли, что он англичанин? – обернулся к генералу Фандорин. – Все убийства совершены в лондонских трущобах, где проживает множество выходцев с европейского континента, в том числе и русских. Кстати говоря, английская полиция подозревала в первую очередь иммигрантов-медиков.

– Отчего ж непременно медиков? – поинтересовался Ижицын.

– А оттого, что изъятие внутренних органов у жертв всякий раз производилось весьма искусно, с отличным знанием анатомии и к тому же, вероятнее всего, хирургическим скальпелем. Лондонская полиция была совершенно уверена, что Джек Потрошитель – врач или студент-медик.

Прокурор Козлятников поднял ухоженный белый палец, сверкнул бриллиантовым перстнем:

– Но с чего вы взяли, что девицу Андреичкину убил и расчленил непременно лондонский Потрошитель? Будто у нас своих душегубов мало! Надрался какой-нибудь сукин сын до белой горячки да и вообразил, будто с зеленым змием воюет. Сколько угодно-с.

Коллежский советник вздохнул, терпеливо ответил:

– Федор Каллистратович, вы ведь прочли отчет судебного врача. С белой горячки так аккуратно не препарировать, да еще «режущим предметом

хирургической остроты». Это раз. Так же, как и в Ист-Энде, отсутствуют обычные для преступлений подобного рода признаки полового беспутства. Это два. Самое же зловещее – следы окровавленного поцелуя на щеке убитой, и это – три. У всех жертв Потрошителя такая кровавая печать непременно присутствовала – на лбу, на щеке, однажды на виске. Инспектор Джилсон, от которого я узнал эту подробность, не склонен был придавать ей значение, ибо причуд у Потрошителя было предостаточно, и куда менее невинных. Однако из тех немногих сведений, которыми криминалистика располагает о маниакальных убийцах, известно, какое значение эти злодеи придают ритуалу. В основе сериальных убийств с чертами маниакальности всегда лежит некая «идея», толкающая монстра на многократное умерщвление незнакомых людей. Я еще в Лондоне попытался втолковать руководителям следствия, что главная их задача – разгадать «идею» маньяка. Остальное – дело сыскной техники. То, что типические черты ритуала у Джека Потрошителя и нашего московского душегуба полностью совпадают, не вызывает ни малейших сомнений.

– И все же больно уж чудно, – покачал головой генерал Юровский. – Чтоб Джек Потрошитель, исчезнув из Лондона, объявился в дровяном сарае на Самотеке... И потом, согласитесь, из-за смерти какой-то там проститутки отменять высочайший приезд...

Терпение у Эраста Петровича, видно, было на исходе, потому что он довольно резко сказал:

– Напомню вашему превосходительству, что дело Джека Потрошителя стоило места начальнику лондонской полиции и самому министру внутренних дел, которые слишком долго отказывались придавать убийствам «каких-то там проституток» должное значение. Если даже предположить, что у нас объявился свой собственный, доморощенный Ванька Потрошитель, так и от этого не легче. Раз вкусив крови, он уж не остановится. Представьте, каково это будет, если во время визита его величества убийца подкинет нам новый подарочек вроде сегодняшнего? Да еще выяснится, что это преступление не первое? Хорошенькое выйдет Светлое Воскресенье в древней столице.

Князь испуганно перекрестился, да и генерал потянулся расстегивать шитый золотом воротник.

– Истинное чудо, что нынче-то удалось замолчать этакую небывальщину. – Коллежский советник озабоченно провел рукой по щегольским черным усикам. –

Да и удалось ли?

Воцарилось гробовое молчание.

– Воля ваша, Владим Андреич, – проговорила из-за дверной створки голова Ведищева, – а прав он. Пишите царю-батюшке. Так, мол, и так, конфузия у нас вышла. Себе во вред, заради вашего государева спокойствия покорнейше просим к нам в Москву не приезжать.

– Ой, Господи. – Голос губернатора жалобно дрогнул.

Ижицын поднялся и, преданно глядя на высокое начальство, подал спасительную идею:

– Ваше сиятельство, а не сослаться ли на редкостной силы половодье? Тут уж, как говорится, один Владыка Небесный виноват.

– Молодцом, Пыжицын, молодцом, – просветлел князь. – Умная голова. Так и напишу. Только б газетчики про расчленение не разнюхали.

Следователь снисходительно взглянул на Эраста Петровича и сел, но уж не так, как прежде – половинкой ягодицы на четверть стула, а вольготно, как равный среди равных.

Но облегчение, отразившееся было на лице его высокопревосходительства, почти сразу же вновь сменилось унынием.

– Не поможет! Все равно правда выплывет. Раз Эраст Петрович сказал, что это злодейство не последнее, значит, так и будет. Он у нас редко ошибается.

Фандорин бросил на губернатора подчеркнуто недоумевающий взгляд и приподнял соболиную бровь: ах вот как, стало быть, все же бывает, что и ошибаюсь?

Тут обер-полицеймейстер засопел, виновато опустил голову и пробасил:

– Не знаю, последнее ли, нет ли, а только, пожалуй, что и не первое. Мой грех, Владимир Андреевич, не придал значения, не хотел тревожить по пустякам. Сегодняшнее убийство выглядело слишком уж вызывающе, вот и решился доложить ввиду высочайшего приезда. Однако ж вспоминается мне, что в последнее время случаи зверского убиения гулящих и бродяжек женского пола пожалуй что участились. На масленой, что ли, помню, докладывали, будто на Селезневской нашли нищенку с брюхом, располосованным в лоскутья. И перед тем, на Сухаревке, гулящую обнаружили с вырезанной утробой. По нищенке и следствия не проводили – бесполезное дело, а с гулящей рассудили, что это ее «кот» по пьянке искромсал. Засадили молодца, до сих пор не признался, отпирается.

– Ах, Антон Дмитриевич, как же так! – всплеснул руками губернатор. – Если б сразу расследование учинить да Эраста Петровича нацелить, может, уж и выловили бы мерзавца! И государев визит не пришлось бы отменять!

– Так кто ж знал, ваше сиятельство, не по злему ведь умыслу. Город-то, сами знаете, какой, и народишко подлец, каждый божий день такое творит! Что ж, из-за мелочи всякой ваше высокопревосходительство беспокоить! – чуть не плачущим голосом стал оправдываться генерал и в поисках поддержки оглянулся на прокурорских, но Козлятников смотрел на полицмейстера сурово, а Ижицын укоризненно покачал головой: нехорошо-с.

Коллежский советник прервал генераловы причитания коротким вопросом:

– Где трупы?

– Где ж им быть, на Божедомке. Там всех беспутных, праздношатающихся и беспашпортных закапывают. Сначала, если есть признаки насилия, в полицейский морг везут, к Егору Виллемовичу, а после на тамошнее кладбище оттаскивают. Такой порядок.

– Эксгумацию нужно произвести, – с гримасой отвращения сказал Фандорин. – И немедленно. Проверить по спискам морга, кто из особ женского пола в последнее время – д-допустим, с Нового года – поступал со следами насильственной смерти. И эксгумировать. Проверить сходство рисунка преступления. Поискать, не было ли других сходных случаев. Земля еще не оттаяла, т-трупы должны быть в полной сохранности.

Прокурор кивнул:

– Распоряжусь. Займитесь этим, Леонтий Андреевич. – И почтительно осведомился. – А вы, Эраст Петрович, не соизволите ли попридти? Очень желательно бы и ваше участие.

Ижицын смотрел кисло – ему, кажется, участие коллежского советника было не так уж и желательно.

Фандорин же вдруг сделался бледен – вспомнил давешний постыдный приступ дурноты. Немного поборолся с собой и не совладал, проявил слабость:

– Я отряжу в помощь Леонтию Андреевичу м-моего ассистента Тюльпанова. Думаю, этого будет достаточно.

* * *

Тяжкую работу заканчивали в девятом часу вечера, уже при свете факелов.

Напоследок чернильное небо засочилось холодным, тягучим дождиком. Кладбищенский ландшафт, и без того унылый, стал до того безотраден, что впору упасть ничком в одну из раскопанных могил, да и засыпаться матушкой-землей, только б не видеть этих грязных луж, раскисших холмиков, покосившихся крестов.

Распоряжался Ижицын. Копали шестеро: двое давешних городских, оставленных при дознании дабы не расширять круг посвященных, двое старослужащих жандармов и двое божедомских могильщиков, без которых все равно было не обойтись. Сначала раскидывали топкую грязь лопатами, а потом, когда железо тыкалось в неоттаявшую землю, брались за кирки. Где рыть указывал кладбищенский сторож.

Согласно списку, с января нынешнего 1889 года в полицейский морг поступило 14 женских трупов с пометкой «смерть от колюще-режущих орудий». Теперь покойниц извлекали из убогих могил и волокли обратно в морг, где их осматривали доктор Захаров и его ассистент Грумов, чахоточного вида молодой человек с козлиной, будто приклеенной бородкой и очень идущим к ней

жиденьким, блеющим голосом.

Анисий Тюльпанов заглянул туда разок и решил, что больше не будет – лучше уж на ветру, под серой апрельской моросью. Однако через часок-другой, подмерзнув и отсырев, а заодно и несколько одеревенев чувствами, Анисий снова укрылся в прозекторской, сел в углу на скамеечку. Там и нашел его сторож Пахоменко, пожалел, отвел к себе чаем поить.

Славный был дядька этот сторож. Лицо доброе, бритое, от ясных, детских глаз к вискам – лучики веселых морщин. Говорил Пахоменко хорошим народным языком – заслушаешься, только частенько вставлял малороссийские словечки.

– На погосте работать – сердце надо мозолистое, – негромко говорил он, сердобольно глядя на истомившегося Тюльпанова. – Тэж всяка людына затоскует, кады ей кажный день ейный конец казать: гляди, раб божий, и тоби этак гнить. Но милостив Господь, дает копающему мозолю на длани, чтоб мясо до костей не стереть, а кто к человечьим горестям приставлен, тому сердце мозолей укрывает. Чтоб не стерлось сердце-то. И ты, паныч, попривыкнешь. Поначалу-то, я бачив, вовсе зеленый був як лопух, а тута вон чаек пьешь и сайку снедаешь. Ништо, пообвыкнешься. Ты кушай, кушай...

Посидел Анисий с Пахоменкой, много где на своем веку побывавшим и много что повидавшим, послушал его неторопливый, рассказ – про богомолье в святые места, про добрых и злых людей, и вроде как оттаял душой, укрепился волей. Можно и назад, к черным ямам, дощатым гробам, серым саванам.

Через словоохотливого сторожа, доморощенного философа Анисию и идея открылась, которой он свое бесполезное пребывание на кладбище с лихвой окупил.

А вышло так.

Под вечер, часу в седьмом, в морг сволокли последний из четырнадцати трупов. Бодрый Ижицын, предусмотрительно нарядившийся в охотничьи сапоги и прорезиненный балахон с капюшоном, позвал вымокшего Анисия результировать эксгумацию.

В прозекторской Тюльпанов зубы стиснул, сердце мозолями укрепил и ничего, ходил от стола к столу, смотрел на нехороших покойниц, слушал резюме эксперта.

– Этих трех красоток пускай волокут обратно: нумера второй, восьмой, десятый, – небрежно тыкал пальцем Захаров. – Напутали тут, работнички. Претензии не ко мне. Я ведь сам только тех анатомирую, кто на особом контроле, а так Грумов ковыряется. Паки с зеленым змием дружен, аспид. Пишет в заключении с пьяных глаз что Бог на душу положит.

– Что вы такое говорите, Егор Виллемович, – обиженно заблеял козлотородый ассистент. – Если и позволяю себе принять горячительных напитков, то самую малость, для укрепления здоровья и расшатанных нервов. Грех вам, ей-богу.

– Да ну вас, – махнул на помощника грубый доктор и продолжил отчет. – Нумера первый, третий, седьмой, двенадцатый и тринадцатый тоже не по вашей части. Классика: «пером в бок» либо «чиркалом по сопелке». Чистая работа, никакого изуверства. Пожалуй, волоките отсюда и их. – Егор Виллемович пыхнул крепким табаком из трубки, любовно похлопал жуткую синюю бабищу по распоротому брюху. – А эту вот Василису Прекрасную и еще четверых я оставляю. Надо проверить, насколько аккуратно их шинковали, остер ли был ножик и прочее. На первый взгляд рискну предположить, что нумера четвертый и четырнадцатый – дело рук нашего знакомого. Только, видно, торопился он или спугнул кто, помешал человеку любимое дело до конца довести.

Доктор ослабил, не разжимая зубов, меж которых торчала трубка.

Анисий сверил по списку. Все точно: четвертая – это нищенка Марья Косая с Малого Трехсвятского, четырнадцатая – проститутка Зотова из Свиныйинского переулка. Те самые, про кого обер-полицеймейстер говорил.

Ижицын, бесстрашный человек, словами эксперта не удовлетворился, зачем-то затеял перепроверять. Чуть не носом в зияющие раны тыкался, дотошные вопросы задавал Анисий такому самообладанию позавидовал, никчемности своей устыдился, но дела никакого придумать для себя не смог.

Вышел на свежий воздух, где перекуривали копальщики.

- Что, паныч, не зря копали-то? – спросил Пахоменко. – Аль еще копать будем?

- Да где ж еще? – охотно откликнулся Анисий. – Уж выкопали всех. Даже странно. По всей Москве за три месяца всего десяток гулящих зарезали. А в газетах пишут, город у нас опасный.

- Тю, десяток, – фыркнул сторож. – Кажете тоже. Це ж тильки которые с хвамилиями. А которых без хвамилий привозят, тех мы в рвы складаем.

Анисий встрепенулся:

- Какие такие рвы?

- А як же, – удивился Пахоменко. – Нешто господин дохтур не казав? Пидемо, сам побачишь.

Он повел Анисия в дальний край кладбища, показал длинную яму, поверху чуть присыпанную землей.

- Це апрельский. Тильки началы. А вон мартовский, вже зарытый. – Он показал на продолговатый холмик. – Тама вон февральский, тама январский. А допреж того не знаю, бо я тут ще не працювал. Я тута с Крещенья служу – як с Оптиной Пустыни прийшов, с богомолья. До меня тут Кузьма такой був. Сам я его не бачив. Он, Кузьма этот, на Рождество разговелся штофиком-другим, в могилку незакрытую сверзся и шею поломал. Вон каку смертью ему Господь подгадал. Мол, сторожил раб Божий могилки, от могилки и конец свой прими. Любит Он пошутить над нашим братом кладбищенским, Господь-то. Навроде дворников мы у Его. Вот могильщик наш Тишка на среднокрестную...

- И что, много безымянных во рвы закапывают? – перебил говоруна Анисий, разом забывший и про волглые сапоги, и про холод.

- Та богато. В один прошлый месяц, почитай, с дюжину, а то и поболее. Человек без имени что псина без ошейника. Хучь на живодерню тащи – никому дела немає. Кто имя потерял – вроде как вже и не людына.

- А было, чтоб среди безымянных сильно порезанные попадались?

Сторож печально покривил мягкое лицо:

– Кто ж их сердешных разглядывать-то будет? Хорошо если дьячок с Иоанна-Воина молитовку протарабанит, а то, бывает, что я, грешный, «Вечную память» спою. Ох люды, люды...

Вот тебе и следователь по особо важным, вот тебе и дотошный человек, злорадно подумал Анисий. Такое обстоятельство упустил.

Махнул сторожу рукой: извини, дядя, дело. Припустил к кладбищенской конторе бегом.

– Ну-ка, ребята, – закричал еще издалека. – Еще работа есть! Бери кирки, лопаты и давай все сюда!

Вскочил только молоденький Линьков. Старший городской Приблудько остался сидеть, а жандармы и вовсе отвернулись. Намахались, наломались на непривычной, невместной работе, опять же начальство не свое, да и не шибко солидное. Но Тюльпанов уж ощущал себя при исполнении и заставил служивых пошевеливаться.

Не зря, как выяснилось, заставил.

* * *

Совсем поздним вечером, а можно сказать, что уже и ночью, потому как время было к полуночи, сидел Тюльпанов у шефа на Малой Никитской (славный такой флигель в шесть комнаток, с изразцовыми голландскими печами, с электрическим освещением, при телефоне), ужинал и отогревался грогом.

Грог был особенный, из японской водки сакэ, красного вина и чернослива, изготовлен по рецепту восточного человека Масахиро Сибаты, если коротко – Масы, фандоринского лакея. Впрочем, поведением и разговором японец на лакея никак не походил. С Эрастом Петровичем держался запросто, а уж Анисия и вовсе за важную персону не держал. По линии физических экзерциций Тюльпанов у Масы ходил в учениках и терпел от строгого учителя немало поношений, издевательств, а то и молотьбы, замаскированной под обучение

японскому мордобою. Как только Анисий ни хитрил, как ни отлынивал от постылой басурманской премудрости, но с шефом не поспоришь. Велел Эраст Петрович овладеть приемами дзюдзюцу, так хоть в лепешку расшибись, но овладей. Только неважнецкий выходил из Тюльпанова спортсмен, преуспевал он все больше по части расшибания в лепешку.

– Утром сто раз приседаешь? – грозно спросил Маса, когда Анисий малость поел и разрозовелся от грога. – Радоська по зерезка стутись? Покази радоськи.

Ладонки Тюльпанов спрятал за спину, потому что стучать ими до тысячи раз в день по «зерезке», специальной железной палке, ленился, да и больно, знаете ли. Жесткие мозоли на ладонных ребрах никак не нарастали, и Маса за это сильно на Анисия ругался.

– Покушали? Ну вот теперь можете Эрасту Петровичу и о деле доложить, – разрешила Ангелина и прибор со стола убрала, оставила только серебряный кувшин с грогом и кружки.

Хороша Ангелина, просто заглядение: светло-русые волосы сплетены в пышную косу, уложенную на затылке сдобным кренделем, лицо чистое, белое, большие серые глаза смотрят серьезно, и будто бы свет из них некий на окружающий мир изливается. Особенная женщина, нечасто такую встретишь. Уж на Тюльпанова-то, плюгавца лопухого, этакая лебедь ни в жизнь не взглянет. Эраст Петрович во всех отношениях кавалер хоть куда, и женщины его любят. За три года тюльпановского ассистентства уже несколько пассий одна краше другой поцарствовали-поцарствовали во флигеле на Малой Никитской да сгнули, но такой простой, ясной, светлой, как Ангелина, еще не бывало. Хорошо бы задержалась подольше. А еще лучше – осталась бы навсегда.

– Благодарствую, Ангелина Самсоновна, – сказал Анисий, провожая взглядом ее статную, высокую фигуру.

Царевна, право слово царевна, хоть и простого мещанского сословия. И вечно у шефа то царевны, то королевны. Что ж удивляться – такой уж человек.

Ангелина Крашенинникова на Малой Никитской появилась с год назад. Помог ей, сироте, Эраст Петрович в одном трудном деле, вот она и прильнула к нему. Видно, хотела отблагодарить чем могла, а кроме любви ничего у ней и не было.

Теперь не очень и понятно, как тут без нее раньше обходились. Уютно стало в холостяцком жилище коллежского советника, тепло, душевно. Анисий и прежде любил здесь бывать, а теперь подавно. И шеф при Ангелине вроде как мягче стал, проще. Ему это на пользу.

– Ладно, Тюльпанов. Сыты, пьяны, т-теперь рассказывайте, что вы там с Ижицыным накопили.

Вид у Эраста Петровича был непривычно сконфуженный – совестится, понял Тюльпанов, что на эксгумацию не поехал, меня послал. Что ж, Анисий только рад, что в кои-то веки сгодился и уберег обожаемого начальника от лишних потрясений.

И то сказать, благодетельствован шефом со всех сторон: обеспечен казенной квартирой, приличным жалованием, интересной службой. Самый большой, неоплатный долг – за сестру Соньку, убогую идиотку. Спокойна за нее Анисиева душа, потому что сам он на службе, а Сонька обихожена, обласкана, накормлена. Фандоринская горничная Палашка ее любит, балует. Теперь и жить стала у Тюльпановых. Забежит на часок-другой помочь Ангелине по хозяйству, и назад, к Соньке. Благо квартирует Тюльпанов близехонько, в Гранатном переулке.

Рапорт Анисий начал спокойно так, издалека:

– Егор Виллемович обнаружил у двух покойниц явные признаки посмертного глумления. У нищенки Марьи Косой, погибшей при невыясненных обстоятельствах 11 февраля, горло перерезано, брюшная полость вскрыта, печень отсутствует. У девицы легкого поведения Александры Зотовой, зарезанной 5 февраля (предположительно сутенером Дзапоевым), тоже рассечено горло и вырезана утроба. Еще одна – цыганка Марфа Жемчужникова, убитая неизвестно кем 10 марта, под вопросом: горло цело, живот распорот крест-накрест, но все органы на месте.

Тут Анисий случайно отвел глаза в сторону и стушевался. В дверях, приложив руку к высокой груди, стояла Ангелина и смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

– Господи, – перекрестилась она, – что это вы, Анисий Питиримович, какие ужасы рассказываете.

Шеф недовольно оглянулся:

– Геля, иди к себе. Это не для т-твоих ушей. Мы с Тюльпановым работаем.

Красавица безропотно вышла, Анисий же взглянул на шефа с укоризной. Так-то оно так, Эраст Петрович, но помягче бы. Ангелина Самсоновна, конечно, не голубых кровей, вам не ровня, а, ей-богу, любую столбовую дворянку за пояс заткнет. Другой бы такую жемчужину в законные супруги взял, не побрезговал. Какой там – за счастье бы почел.

Но вслух ничего не высказал, не посмел.

– Следы полового сношения? – сосредоточенно спросил шеф, не придав значения тюльпановской мимике.

– Егор Виллемович определить затруднился. Хоть и мерзлая земля, а все же время-то прошло. Но главное другое!

Анисий сделал эффектную паузу и перешел к основному.

Рассказал, как по его указанию вскрыли так называемые «рвы» – общие могилы для безымянных покойников. Всего осмотрено более семидесяти мертвецов. На девяти трупах, причем из них один мужской, – несомненные следы изуверства. Картина сходна с сегодняшней: кто-то, хорошо разбирающийся в анатомии и располагающий хирургическим инструментом, изрядно поглумился над телами.

– Самое же примечательное, шеф, в том, что три обезображенных трупа извлечены из прошлогодних рвов! – доложил Анисий и скромно присовокупил. – Это я велел на всякий случай разрыть ноябрьский и декабрьский рвы.

Эраст Петрович слушал помощника очень внимательно, а тут аж со стула вскочил:

– Как декабрьский, как ноябрьский! Это невероятно!

– Вот и я возмутился. Какова наша полиция, а? Столько месяцев этакий зверюга в Москве орудует, а мы ни слухом ни духом! Раз изгой общества зарезан, так полиции и дела нет – зарыли и до свидания. Воля ваша, шеф, а я бы на вашем месте задал по первое число и Юровскому, и Эйхману.

Но шеф что-то расстроился слишком уж сильно. Быстро прошел взад-вперед по комнате, пробормотал:

– Этого не может быть, чтоб в д-декабре, а в ноябре тем паче! Он в то время еще был в Лондоне!

Тюльпанов захлопал глазами, не уразумев, при чем здесь Лондон – с версией о Потрошителе Эраст Петрович познакомить его не успел.

Покраснев, Фандорин вспомнил, как оскорбленно взглянул он давеча на князя Долгорукого, сказавшего, что чиновник особых поручений редко ошибается.

Выходит, что ошибаетесь, Эраст Петрович, да еще как ошибаетесь.

* * *

Принятое решение осуществлено. Так быстро претворить его в жизнь мне помог промысел Божий, не иначе.

Весь день переполняло ощущение восторга и неуязвимости – после вчерашнего экстаза.

Дождь и слякоть, днем было много работы, а усталости нет и в помине. Душа поет, рвется на простор, бродить по окрестным улицам и пустырям.

Снова вечер. Иду по Протопоповскому к Каланчевке. Там стоит баба, крестьянка, торгуется с извозчиком. Не сторговалась, ванька укатил, а она стоит, растерянно топчется на месте. Смотрю – а у ней огромный, раздутый живот. Беременная, и месяце на седьмом, никак не меньше. Так в сердце и ударило: вот оно, само в руки идет.

Подхожу ближе – всё сходится. Именно такая, как нужно. Грязная, толстомордая. Вылезшие брови и ресницы – очевидно, люэс. Трудно вообразить себе существо, более отдаленное от понятия Красоты.

Заговариваю. Приехала из деревни проведать мужа. Он мастеровой в Арсенале.

Все выходит до смешного просто. Говорю, что Арсенал недалеко, обещаю проводить. Она не боится, потому что сегодня я женщина. Веду пустырями к пруду Иммеровского садоводства. Там темнота и никого. Пока идем, баба жалуется мне, как трудно жить в деревне. Я ее жалею.

Привожу на берег, говорю, чтоб не боялась, что ее ждет радость. Она тупо смотрит. Умирает молча, только свист воздуха из горла и бульканье крови.

Мне не терпится раскрыть жемчужницу, и я не жду, пока судороги прекратятся.

Увы, меня ждет разочарование. Когда дрожащими от сладостного нетерпения руками я отворяю надрезанную матку, охватывает гадливость. Живой зародыш уродлив и на жемчужину ничуть не похож. Выглядит точь-в-точь как уродцы в спиртовых банках на кафедре у профессора Линца: такой же упыренок. Шевелится, разевает мышиный ротик. Брезгливо отшвыриваю его в сторону.

Вывод: человек, как и цветок, должен созреть, чтобы стать красивым. Теперь ясно, почему мне никогда не казались красивыми дети – карлики с непропорционально большой головой и недоразвитой системой воспроизведения.

Московские сыщики зашевелились – вчерашняя декорация наконец известила полицейских о моем появлении. Смешно. Я хитрее и сильнее, им никогда меня не раскрыть. «Какой актер пропадает», сказал Нерон. Это про меня.

Но труп бабы и ее мышонка топлю в пруду. Ни к чему дразнить гусей, да и похвастать нечем, достойной декорации не получилось.

«Бандероря»

5 апреля, великая среда, утро

С утра пораньше Эраст Петрович заперся у себя в кабинете думать, а Тюльпанов снова отправился на Божедомку – вскрывать октябрьский и сентябрьский рвы. Сам предложил. Надо же определить, когда начал московский душегуб свои художества. Шеф возражать не стал. Что ж, сказал, съездите, а сам мыслями уже где-то далеко – дедуктирует.

Работа оказалась муторной, не в пример хуже вчерашней. Трупы, захороненные до холодов, сильно разложились и смотреть на них не было никакой человеческой возможности, а вдыхать отравленный воздух и того паче. Вырвало-таки пару раз и Анисия, не уберегся.

– Видишь, – чахло улыбнулся он сторожу, – все никак мозолями не обрасту...

– Есть такие, что навовсе не обрастают, – ответил тот, участливо качая головой. – Энтим на свете тяжельше всего проживать. Но зато их Боженька дуже любит. На-ка вот, паныч, выпей моей настоечки...

Присел Анисий на скамеечку, выпил травнику, поболтал с кладбищенским философом о том о сем, байки его послушал, о своей жизни рассказал, душой малость отмяк и снова – во рву копать.

Только зря все – ничего полезного для расследования в старых рвах больше не нашлось.

Захаров желчно сказал:

– Дурная башка ногам покою не дает, и ладно бы еще только вашим, Тюльпанов. Не боитесь, что жандармы вас случайно киркой по темечку заденут? А я и заключение по всей форме составлю: преставился губернский секретарь собственной смертью – споткнулся, да и дурной своей головой о камень. И Грумов засвидетельствует. Надоели вы нам с вашей тухлятиной хуже горькой редьки. Правда, Грумов?

Чохоточный ассистент оскалил желтые зубы, потер запачканной перчаткой шишковатый лоб. Пояснил:

- Егор Виллемович шутят.

Но это бы еще ладно, доктор – человек циничный, грубый. Обидно, что пришлось от противного Ижицына насмешку стерпеть.

Важнейший следователь прикатил на кладбище ни свет ни заря, пронюхал как-то про тюльпановские изыскания. Сначала тревожен был, что расследование движется без его участия, а после успокоился, духом воспрял.

- Может, – говорит, – у вас с Фандориным еще какие гениальные идеи имеются? В выгребных ямах не желаете покопаться, пока я следствие веду?

И уехал, низкая душонка, победительно посмеиваясь.

* * *

В общем, вернулся Тюльпанов на Малую Никитскую не солоно хлебавши.

Вяло поднялся на крыльцо, позвонил в электрический звонок.

Открыл Маса. В белом гимнастическом костюме с черным поясом, на лбу – повязка с иероглифом «усердие».

- Дздравствуй, Тюри-сан. Давай рэнсю дерать.

Какое там рэнсю, когда от усталости и расстройства с ног валишься.

- У меня срочное донесение для шефа, – попробовал схитрить Анисий, но Масу не проведешь. Он ткнул пальцем на оттопыренные тюльпановские уши и безапелляционно заявил:

- Когда у чебя срочное донесение, у чебя graz пученый и уси красные, а сичас graz маренький и уси савсем берые. Снимай синерю, стибреты снимай, надзевай

сьтаны и куртотька. Будзем бегать и критять.

Бывало, что за Анисия заступалась Ангелина, только она и могла отразить натиск чертова японца, но ясноокой хозяйки было не видно, и тиран заставил бедного Тюльпанова переодеться в гимнастическую форму прямо в прихожей.

Вышли во двор. Зябко прыгая с ноги на ногу – земля-то холодная, – Анисий помахал руками, поорал «о-осу!», укрепляя прану, а после началось издевательство. Маса запрыгнул ему сзади на плечи и велел бегать по двору кругами. Росточка японец был небольшого, но коренаст, плотно сбит, и весу в нем имелось пуда четыре с половиной, никак не меньше. Тюльпанов два круга кое-как пробежал и стал спотыкаться. А мучитель в ухо приговаривает:

– Гаман! Гаман!

Самое любимое его слово. «Терпение» значит.

Гамана у Анисия хватило еще на полкруга, а после он рухнул. Не без задней мысли – прямо перед большой грязной лужей, чтоб идолище поганое через него перелетело и немножко искупалось. Маса через упавшего перелететь перелетел, но в лужу не шлепнулся – только руки окунул. Спружинил пальцами, сделал в воздухе невозможное сальто и приземлился на ноги уже по ту сторону водного препятствия.

Безнадежно покачал круглой башкой, махнул:

– Радно, идзи, мойся.

Анисия со двора как ветром сдуло.

Отчет помощника (смывшего грязь, переодевшегося и причесавшегося) Фандорин выслушал у себя в кабинете, стены которого были увешаны японскими гравюрами, оружием и гимнастическими снарядами. Невзирая на послеполуденный час, коллежский советник был еще в халате. Отсутствию результата он ничуть не огорчился, а скорее даже обрадовался. Впрочем, особенного удивления не выразил.

Когда ассистент замолчал, Эраст Петрович прошелся по комнате, поигрывая любимыми нефритовыми четками, и произнес фразу, от которой у Анисия всегда сладко сжималось сердце:

- Итак, д-давайте рассуждать.

Шеф щелкнул зеленым каменным шариком, покачал кистями халата.

- Не думайте, что на кладбище вы прокатились зря, - начал он.

С одной стороны слышать это было отрадно, с другой стороны слово «прокатились» применительно к утренним испытаниям показалось Анисию не вполне точным.

- Для верности нужно было убедиться, что ранее ноября случаев с потрошением жертв не наблюдалось. Ваше вчерашнее сообщение о том, что два искромсанных трупа найдены в декабрьской общей могиле и один в ноябрьской, поначалу заставили меня усомниться в версии о переезде Потрошителя в Москву.

Тюльпанов кивнул, так как накануне был подробнейшим образом посвящен в кровавую историю британского монстра.

- Однако же сегодня, вновь просмотрев свои лондонские записи, я пришел к выводу, что от этой гипотезы отказываться не следует. Вам угодно знать почему?

Анисий снова кивнул, отлично зная, что сейчас его дело - помалкивать и не мешать.

- Извольте.

Шеф взял со стола блокнот.

- Последнее убийство, приписываемое пресловутому Джеку, произошло 20 декабря на Поплар-Хай-стрит. Наш московский Потрошитель к этому времени уже всю поставлял свою кошмарную п-продукцию на Божедомку, что вроде бы

исключает возможность сведения английского и русского душегубов к одной персоне. Однако у проститутки Роуз Майлет, убитой на Поплар-Хай-стрит, горло перерезано не было и вообще отсутствовали обычные для Джека следы глумления. Полиция решила, что убийцу спугнули поздние прохожие. Я же, в свете вчерашнего открытия, готов предположить, что Потрошитель вовсе не имел к-касательства к этой смерти. Возможно, эту Майлет убил кто-то другой, а всеобщая истерия, охватившая Лондон после предшествующего убийства, заставила приписать новое убийство проститутки тому же маньяку. Теперь о предшествующем убийстве, приключившемся 9 ноября.

Фандорин перелистнул страничку.

– Это уж несомненная работа Джека. Проститутка Мери Джейн Келли была найдена у себя в камере на Дорсет-стрит, где обычно принимала к-клиентов. Горло перерезано, груди отсечены, мягкие ткани на бедрах сняты, внутренние органы аккуратно разложены на кровати, желудок вскрыт – есть предположение, что убийца питался его содержимым.

Анисия снова замутило, как давеча на кладбище.

– На виске знакомый нам по Андреичкиной кровавый отпечаток губ...

Тут Эраст Петрович прервал свои рассуждения, потому что в кабинет вошла Ангелина: в сером, невидном платье, в черном платке, на лоб свешивались русые пряди – видно, их вытянул свежий ветер. По-разному одевалась подруга шефа – бывало, что и дамой, но больше любила наряды простые, русские, вроде сегодняшнего.

– Работаете? Помешаю? – спросила она, устало улыбаясь.

Тюльпанов вскочил и поспешил сказать раньше шефа:

– Что вы, Ангелина Самсоновна, мы очень рады.

– Да-да, – кивнул Фандорин. – Ты из больницы?

Красавица сняла с плеч платок, заколола непослушные волосы.

– Сегодня интересно было. Доктор Блюм учил нас вырезать чиреи. Это, оказывается, вовсе не трудно.

Анисий знал, что Ангелина, светлая душа, ходит в Штробиндеровскую лечебницу, что в Мамоновом Переулке, облегчать муки страждущих. Сначала им гостинцы носила, Библию читала, а потом ей этого мало показалось. Захотела настоящую пользу приносить, на сестру милосердную выучиться. Эраст Петрович отговаривал, но Ангелина настояла на своем.

Святая женщина, на таких вся Русь держится: молитва, помощь ближним и любящее сердце. Вроде в грехе живет, но не пристаёт к ней нечистота. Да и не виновата она, что угодила в невенчанные жены, вновь, уж в который раз, осердился на шефа Анисий.

Фандорин поморщился:

– Ты вырезала ч-чиреи?

– Да, – радостно улыбнулась она. – Двум нищим старушкам. Сегодня ведь среда, день бесплатного приема. Вы не думайте, Эраст Петрович, у меня хорошо вышло, и доктор похвалил. Я уж много что умею. А после старушкам этим «Книгу Иова» читала, для душевного укрепления.

– Ты б им лучше денег дала, – досадливо произнес Эраст Петрович. – А твоя книга и твои заботы им не нужны.

Ангелина ответила:

– Денег я дала, по полтинничку. А заботы эти мне нужнее, чем им. Больно уж счастливо живу я с вами, Эраст Петрович. Совестно мне от этого. Счастье – хорошо, но только грех в счастье про несчастных забывать. Помогай им, взирай на язвы их и помни, что счастье твое – дар Божий, оно редко кому на этом свете достается. Вы думаете, зачем вокруг дворцов и хоромов столько нищих и убогих жметяся?

– Понятно, зачем. Там подают б-больше.

– Нет, бедные лучше богатых подают. А это Господь счастливым несчастных показывает: помните, что в мире горя много, и сами от горя не зарекайтесь.

Эраст Петрович вздохнул и отвечать сожительнице не стал. Видно, не нашелся. Повернулся к Анисию, четками потрянул.

– П-продолжим. Итак, я исхожу из того, что последним английским преступлением Джека Потрошителя было убийство Мери Джейн Келли, совершенное 9 ноября, а к делу 20 декабря он непричастен. 9 ноября – это по русскому стилю еще конец октября, так что Потрошитель имел достаточно времени, чтобы перебраться в Москву и пополнить ж-жертвой своего извращенного воображения ноябрьский ров на Божедомке. Согласны?

Анисий кивнул.

– В-велика ли вероятность, что в одно и то же время в Европе появились два маньяка, действующих по совершенно одинаковому, до мелочей совпадающему сценарию?

Анисий мотнул головой.

– Тогда последний вопрос, прежде чем мы приступим к делу. Д-достаточно ли мала только что упомянутая мною вероятность, чтобы целиком сосредоточиться на основной версии?

Два кивка столь энергичных, что качнулись знаменитые тюльпановские уши.

Анисий затаил дыхание, зная, что сейчас на его глазах произойдет чудо: из ничего, из тумана и морока, возникнет стройная версия – с методикой поиска, планом следственных действий, а возможно, что и с конкретными подозреваемыми.

– Подведем итоги. Джек Потрошитель по какой-то, пока неизвестной нам причине перебрался в Москву и весьма решительно взялся за изведение здешних проституток и нищенок. Это раз. – Для вящей убедительности шеф щелкнул четками. – Прибыл он сюда в ноябре минувшего г-года. Это два (щелк!). Все последние месяцы находился в городе, и если отлучался, то ненадолго. Это

три (щелк!). Он медик или изучал медицину, ибо владеет хирургическим инструментом, умеет им пользоваться и имеет навыки анатомирования. Это четыре.

Последний щелчок, и шеф спрятал четки в карман халата, что свидетельствовало о переходе расследования из теоретической стадии в практическую.

– Как видите, Тюльпанов, задача выглядит не столь уж сложной.

Анисий пока этого не видел и потому от кивка воздержался.

– Ну как же, – удивился Эраст Петрович. – Достаточно проверить тех, кто прибыл в нужный нам период из Англии в Россию и поселился в Москве. Причем не всех, а лишь тех, кто так или иначе связан либо прежде был связан с медициной. Т-только и всего. Вы удивитесь, когда узнаете, как узок круг поиска.

В самом деле, как просто! Москва не Петербург, сколько медиков могло прибыть в первопрестольную из Англии в ноябре месяце?

– Так давайте скорей проверим регистрацию приезжающих по всем полицейским частям! – Анисий вскочил, готовый немедленно взяться за дело. – Всего-то двадцать четыре запроса! Там в регистрационных книгах мы его, голубчика, и обнаружим!

Ангелина хоть и пропустила начало речи Эраста Петровича, но потом слушала очень внимательно и задала резонный вопрос:

– А если этот ваш душегуб приехал и в полиции не отметился?

– Маловероятно, – ответил шеф. – Это человек обстоятельный, подолгу живущий на одном месте, с-свободно путешествующий по Европе. Зачем ему зря рисковать, нарушая установления закона? Он ведь не политический террорист, не беглый каторжник, а маньяк. У маньяков вся агрессивность в их болезненную «идею» уходит, на прочую деятельность сил не остается. Обычно это тихие, неприметные людишки, никогда и не подумаешь, что у них в г-голове ад крошечный... Да вы сядьте, Тюльпанов. Никуда бежать не нужно. Чем я, по-

вашему, занимался все утро, пока вы покойников т-тревожили?

Он взял с письменного стола несколько листков, исписанных казенным писарским почерком.

- Телефонировал ч-частным приставам и попросил доставить мне регистрационные сведения обо всех приезжих, кто прибыл в Москву прямо из Англии либо через любой п-промежуточный пункт. На всякий случай взял не только ноябрь, но и декабрь - для предосторожности: вдруг Роуз Майлет все-таки убил наш Потрошитель, а ваша ноябрьская находка, наоборот, - дело рук какого-нибудь туземного головореза. Трудно д-давать точное патологоанатомическое заключение по телу, которое пролежало в земле, хоть бы даже и мерзлой, целых пять месяцев. Вот два декабрьских трупа - это уже серьезно.

- Резонно, - согласился Анисий. - Ноябрьская покойница и в самом деле была не того... Егор Виллемович даже не хотел в ней копаться, говорил, профанация. Земля в ноябре еще не очень промерзла, труп-то и подгнил. Ой, извините, Ангелина Самсоновна! - испугался Тюльпанов излишнего натурализма, но, кажется, зря - Ангелина в обморок падать не собиралась, ее серые глаза смотрели все так же серьезно и внимательно.

- Вот видите. Но даже и за д-два месяца к нам из Англии прибыли всего тридцать девять человек, включая между прочим и нас с Ангелиной Самсоновной. Но нас, с вашего позволения, я учитывать не с-стану. - Эраст Петрович улыбнулся. - Из остальных двадцать т-три пробыли в Москве недолго и потому интереса для нас не представляют. Остаются четырнадцать, из коих к медицине имеют отношение только трое.

- Ага! - хищно вскричал Анисий.

- Естественно, первым п-привлек мое внимание доктор медицины Джордж Севилл Линдсей. За ним, как и за всеми иностранцами, негласно приглядывает Жандармское управление, так что навести справки оказалось проще простого. Увы, мистер Линдсей нам не подходит. Выяснилось, что перед приездом в Россию он пробыл на родине всего полтора месяца. Ранее же с-служил в Индии, вдали от лондонского Ист-Энда. Получил место в Екатерининской больнице, потому и прибыл к нам сюда. Остаются двое, оба русские. Мужчина и женщина.

– Женщина такого сотворить не могла, – твердо сказала Ангелина. – И среди нашей сестры всякие изверги бывают, но ножом животы кромсать – большая сила нужна. Да и не любим мы, женщины, крови-то.

– Тут речь идет об особенном существе, не похожем на обычных людей, – возразил ей Фандорин. – Это и не мужчина, и не женщина, а вроде как т-третий пол, или, выражаясь по-простонародному, нелюдь. Женщин ни в коем случае исключать нельзя. Среди них попадаются и физически крепкие. Не говоря уж о том, что при известном навыке работы со скальпелем особенная сила не нужна. Вот, к примеру, – он заглянул в листок. – Повивальная бабка Несвицкая Елизавета Андреевна, 28 лет, девица, прибыла из Англии через Санкт-Петербург 19 ноября. Необычная личность. Семнадцати лет по политическому делу просидела два года в крепости, затем в административном порядке отправлена на поселение в Архангельскую губернию. Бежала за границу, окончила медицинский факультет Эдинбургского университета. Ходатайствовала о дозволении вернуться на родину. Вернулась. Ее прошение о признании врачебного диплома действительным рассматривается министерством внутренних дел, пока же Несвицкая устроилась повивальной бабкой во вновь открытую Морозовскую гинекологическую больницу. Находится под негласным надзором полиции. По агентурным сведениям, Несвицкая, невзирая на неподтвержденное врачебное звание, ведет прием пациентов из числа неимущих. Больничное начальство смотрит сквозь пальцы и даже втайне поощряет – возиться с неимущими мало кому охота. Вот сведения, которыми мы располагаем о Несвицкой.

– Во время лондонских преступлений Потрошителя находилась в Англии, это раз, – стал резюмировать Тюльпанов. – Во время московских преступлений находилась в Москве, это два. Медицинскими навыками обладает, это три. Личность, судя по всему, специфическая и отнюдь не женского склада, это четыре. Несвицкую снимать со счетов никак нельзя.

– Именно. А кроме того, не будем забывать, что и в лондонских убийствах, и в убийстве девицы Андреичкиной отсутствуют следы полового вмешательства, обычные, когда маньяком является мужчина.

– А второй кто? – спросила Ангелина.

– Иван Родионович Стенич. Тридцати лет, бывший студент медицинского факультета Московского императорского университета. Семь лет назад

отчислен «за безнравственность». Черт его знает, что имелось в виду, но по нашему профилю вроде бы годится. Переменил несколько занятий, лечился от душевного недуга, путешествовал по Европе. В Россию прибыл из Англии, 11 декабря. С Нового года служит милосердным братом в больнице для умалишенных «Утоли мои печали».

Тюльпанов хлопнул ладонью по столу:

– Чертовски подозрителен!

– Таким образом, подозреваемых у нас д-двое. Если оба к делу не причастны, займемся линией, которую предложила Ангелина Самсоновна, – о том, что Джек Потрошитель прибыл в Москву, сумев избежать полицейского ока. И лишь убедившись, что и это исключено, мы откажемся от основной версии и станем разыскивать доморощенного Ваню Потрошителя, в Ист-Энде отроду не бывавшего. Согласны?

– Да, только это тот самый Джек, а никакой не Ваня, – убежденно заявил Анисий. – Всё сходится.

– Кем предпочитаете заняться, Тюльпанов, – милосердным братом или повивальной бабкой? – спросил шеф. – Даю вам право выбора как мученику эксгумации.

– Раз этот самый Стенич служит в психической лечебнице, у меня есть отличный предлог с ним познакомиться – Сонька, – изложил Анисий соображение вроде бы вполне резонное, но подсказанное не столько холодной логикой, сколько азартом – все-таки мужчина, да еще с душевным недугом, в качестве Потрошителя смотрелся перспективней, чем беглая революционерка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Примечания

1

Что за создание человек! Сколь благороден рассудком! Сколь безграничен в дарованьях! Сколь выразителен и дивен в форме и движеньях! В деяньях сколь подобен ангелу, а в разуменьи Всевышнему! Краса творенья! Всего живущего высочайший образец! И все же что за дело мне до этой квинтэссенции праха? (англ.)

2

импровизированный (фр.).

Купить: <https://tellnovel.com/ru/boris-akunin/osobyе-porucheniya-dekurator-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)